

УДК 94(37).07

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-1-34-43

Оригинальное исследование

Преторианская гвардия при дворе римского императора: обряд *salutatio*, императорский *convivium* и развлечения принцепса

Иванова Е.С.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23
E-mail: selenai.ei95@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблема участия преторианской гвардии в жизни императорского двора и в его церемониальных практиках. В историографии отмечалось, что преторианцы играли важную символическую роль в государственно-династических церемониях Рима, присутствуя на которых, гвардейцы служили напоминанием аристократии о военном могуществе и верховной власти императора. Однако, обращаясь к домашним традициям императорского двора, автор данной статьи заключает, что упомянутый выше тезис на них не распространяется. Регулярно приветствуя принцепса и посещая его пиры, преторианцы из простых телохранителей фактически превращались в придворных, военная сила которых позволила им со временем занять при дворе место, практически равное сенаторскому сословию. Хотя эта сила зачастую служила личным интересам гвардейцев как особой статусной группе при дворе принцепса, она не была направлена против аристократии, с которой, благодаря нововведениям Клавдия, офицерский состав гвардейцев постепенно смешивается в едином кругу придворного общества.

Ключевые слова: римский императорский двор, придворное общество, преторианская гвардия, обряд *salutatio*, императорский *convivium*

Для цитирования: Иванова Е.С. 2024. Преторианская гвардия при дворе римского императора: обряд *salutatio*, императорский *convivium* и развлечения принцепса. *Via in tempore. История. Политология*, 51(1): 34–43. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-34-43

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Praetorian Guard at the Court of the Roman Emperor: Ceremony of the *Salutatio*, Imperial *Convivium* and Entertainment of the Princeps

Elena S. Ivanova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russia
E-mail: selenai.ei95@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the problem of the participation of the Praetorian Guard in the life of the imperial court and its ceremonial practices. It has been noted that the Praetorians played an important symbolic role in the state dynastic ceremonies of Rome. Actually, the guards served as a reminder to the aristocracy of the military force and supreme power of the emperor. However, this point could not be applied to the domestic ceremonies of the imperial court. Essentially, regularly greeting the princeps and attending his feasts, the Praetorians turned from just bodyguards into courtiers. Military strength of these new courtiers allowed them to become almost equal to the senatorial class in the relationship with the emperor.

Although this strength often served the personal interests of the guards as a special status group at the court, it was not directed against the aristocracy. Moreover, due to the innovations of Claudius, the officer corps of the guards was gradually mixed with the aristocracy into a single circle of court society.

Keywords: Roman imperial court, court society, Praetorian Guard, salutation ceremony, imperial convivium

For citation: Ivanova E.S. 2024. Praetorian Guard at the Court of the Roman Emperor: Ceremony of the Salutatio, Imperial Convivium and Entertainment of the Princeps. *Via in tempore. History and political science*, 51(1): 34–43 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-34-43

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Дион Кассий, отмечая нравственное достоинство преторианца Сервия Сульпиция Симилиса, приводит в пример его заслуг случай, когда военный служащий, занимавший в то время пост центуриона, отказался войти к императору Траяну прежде префектов. Симилис объясняет свой отказ от приглашения принцепса следующими словами: «Негоже, Цезарь, что ты будешь разговаривать с центурионом, в то время как префекты стоят снаружи» (Dio Cass. 69. 19)³. Хотя отказ центуриона, вероятно, мотивирован стремлением соблюсти воинскую субординацию, его действия также можно истолковать существованием придворного этикета. Данная интерпретация подводит нас к проблеме участия преторианской гвардии в жизни императорского двора и его церемониальных практиках, что является одним из новых направлений в изучении римский когорт [Rollinger, 2022, p. 225]. Обращение к этим вопросам связано с расширением смысла понятия «римский императорский двор» и попытками создать его критическую историю [Kelly, 2022a, p. 2–4]. Отметим, что вплоть до конца XX в. императорский двор не был специальным объектом исследования в римской историографии. Теодор Моммзен [Mommsen, 1888] и его последователи [Hirschfeld, 1905; Wallace-Hadrill, 2011] изучали отдельные аспекты деятельности приближенных императора (например, их политическую и административную роль), но как особое социокультурное явление императорский двор стали рассматривать только после выхода монографии «Придворное общество» немецкого социолога Н. Элиаса [Elias, 1983]. Под влиянием теоретических идей Н. Элиаса римский императорский двор определяется в современной историографии как группа людей, входившая в непосредственный круг общения императора и/или оказывавшая ему бытовые или охранные услуги. В связи с такой дефиницией в императорский двор входили члены семьи принцепса, часть римской аристократии, представители иностранных правящих династий, домашняя прислуга, телохранители, поэты, актёры, врачи и другие придворные служащие [Kelly, 2022a, p. 7].

Хотя преторианцы и их офицеры во главе с двумя префектами имели возможность регулярного взаимодействия с императором, исполняя охранные и другие функции, что, согласно приведенному выше определению, позволяет считать их частью императорского двора, установить конкретные обязанности гвардейцев при дворе на данный момент затруднительно. Сложности, как отмечает Б. Келли, связаны со скудностью сведений в нарративных источниках [Kelly, 2022b, p. 388]. К этому можно добавить низкую степень разработанности проблемы в историографии. Как в классических [Durry, 1938; Passerini, 1939], так и в новейших работах [Kerr, 1992; Otteley, 2009], посвященных преторианской гвардии, основное внимание уделяется её участию в политической жизни Римской империи. Так, Ги де ла Бедуайер изучает политическую роль гвардии, рассматривая её функции, структуру, опыт и особенности командования в общем контексте истории принципата [de la Bédouyère, 2017]. С. Бингэм также начинает свою работу с краткого очерка политической истории гвардии, но

---

³ Здесь и далее цитаты из «Римской истории» Диона Кассия приведены в переводе А.В. Махлаюка.

главный акцент делает на обязанностях преторианцев. Исследовательница разбирает такие функции гвардии, как охрана принцепса, политический сыск, устранение опасных для государства лиц, поддержание общественного порядка и помощь вигилам в тушении пожаров [Bingham, 2013]. С. Ричи возражает С. Бингэм, подчеркивая, что основные обязанности преторианцев были связаны с личностью императора: гвардейцы должны были обеспечивать его безопасность и сопровождать во всех поездках. При исполнении второй функции преторианцы не только оберегали принцепса, но и выступали символом его власти [Ricci, 2018, p. 89–104]. Тезис С. Ричи о символической роли гвардии развивает К. Роллингер, рассматривая отдельные церемонии с участием гвардии [Rollinger, 2022, 2023]. Исследователь заключает, что такие регулярные практики, как марш преторианцев через весь город при смене караулов, присутствие гвардейцев в общественных местах Рима, публичные учения преторианцев и др., служили напоминанием простым гражданам и аристократии о том, что контроль над военными силами, а вместе с ним и власть над империей принадлежит исключительно принцепсу [Rollinger, 2022, p. 242–244].

Объект и методы исследования

В данной статье мы продолжим работу К. Роллингера, но обратимся не к государственно-династическим церемониям [Duindam, 1995], а к «домашним» традициям римского двора, таким как обряд утреннего приветствия (*salutatio*) и императорские обеды (*convivia*). Кроме того, мы рассмотрим отдельные эпизоды участия преторианцев в развлечениях принцепса. Названные церемонии примечательны по двум причинам. Во-первых, преторианцы могли присутствовать на них не только как телохранители принцепса, но и как непосредственные участники того или иного мероприятия. Тогда гвардейцы фактически выступали в роли придворных. Во-вторых, в случае если преторианцы на домашних церемониях исполняли функции защиты принцепса, они, согласно представлениям римской аристократии, своей службой свидетельствовали о нарушении принцепсом придворного этикета [Davenport, 2022, p. 290]. Последнее связано с идеей о том, что «хороший» император должен демонстрировать открытость для народа и подчеркивать своё равенство с представителями сенаторского сословия, а не окружать себя толпой телохранителей, запугивая ими аристократов и закрываясь от граждан [Davenport, 2022, p. 290]. Согласно такой модели, «хороший» принцепс может обходиться совсем без охраны. Итак, учитывая особенности восприятия аристократами участия гвардейцев в церемониях императорского двора, мы рассмотрим функции преторианцев как придворных, а также покажем, как эти функции влияли на образ императора в античной историографии.

Сведения по данным вопросам преимущественно происходят из нарративных источников I–IV вв. Это работы Иосифа Флавия, Светония, Тацита, Диона Кассия, Геродиана и других авторов. Отметим, что в этих сочинениях значимые для проблематики статьи эпизоды часто представлены в форме анекдотов или нравоучительных историй. Для работы с подобными фрагментами наиболее эффективными являются методы микроистории, поскольку микроисторический анализ позволяет в совокупности единичных и малозначимых на первый взгляд случаев рассмотреть более общие социальные связи и процессы. Таким образом, изучая отдельные истории из повседневной жизни преторианцев, возможно определить особенности отношений этой социальной группы с императором, а также установить её место в кругу римской аристократии.

Результаты и их обсуждение

Примером «хорошего» императора считается основатель принципата Октавиан Август (Dio Cass. 56. 44; Suet. Aug. 51–60). В историографии отмечается, что уже при нём сформировались те правила и обычаи, которые условно можно назвать придворным церемониалом [Davenport, 2022, 289]. По крайней мере именно Август, следуя республиканским

традициям, стал проводить обряд *salutatio* в императорском доме. По мнению К. Давенпорта, старая церемония при новом политическом строе приобрела иное значение. Приветствуя императора, сенаторы, всадники и все римляне признавали, что теперь у них есть один общий патрон, которому они коллективно выражали свою преданность [Davenport, 2022, p. 294]. Хотя право приветствовать императора было у каждого римлянина, для сенаторского сословия и наиболее выдающихся всадников это являлось обязанностью [Winterling, 1999, p. 123], о чем свидетельствуют античные авторы, приводя примеры уважительных причин для непосещения дома принцепса (Plin. Pan. 48, 2; Fronto. Ad M. Caes. 5. 48 (63)).

При проведении церемонии было важно соблюсти республиканский этикет и принять гостей в соответствии с традиционной иерархией, зависевшей от занимаемой сенатором должности [Winterling, 1999, p. 129]. А. Винтерлинг считает, что Август справился с этой задачей, предоставив сенаторам самим определять порядок входа в его спальню [Winterling, 1999, p. 131]. При таком регламенте префект преторианцев, будучи всадником, должен был приветствовать императора после представителей сенаторского сословия. Однако в источниках не сохранилось упоминаний об участии префектов в обряде *salutatio* при Августе. Также из-за отсутствия сведений сложно установить расположение рядовых преторианцев во время церемонии. С одной стороны, отсутствие прямых указаний в нарративных источниках и образ «восстановителя» республики предполагают, что Август обходился без телохранителей при *salutatio*. С другой стороны, Светоний приводит эпизод, детали которого допускают присутствие солдат. Биограф рассказывает, что Август заподозрил пришедшего к нему с приветствием претора Квинта Галлия в том, что тот прячет под одеждой меч. Хотя у триумвира была возможность обыскать Галлия, он не решился сделать это во время церемонии. Но позже Октавий «с помощью центурионов и солдат стащил его [претора] с судейского кресла и пытал, как раба, а, когда тот [претор] не проронил ни слова, приказал умертвить его» (Suet. Aug. 27. 4)⁴. Отметим, что в данном эпизоде приказ Октавия выполняли ещё не преторианцы, поскольку их подразделение было создано позднее. Тем не менее если в бытность свою триумвиром Октавий размещал телохранителей в непосредственной близости от места, где проходил обряд *salutatio*, то можно предположить, что и став принцепсом, Октавиан продолжал эту практику. Так, невидимое присутствие солдат позволяло Августу обеспечить свою безопасность, не нарушая при этом республиканский этикет.

Соблюдение республиканских традиций требовалось и при организации обедов. По сведениям Светония, пиры Августа представляли собой обычные для представителя сенаторского сословия обеды [Winterling, 1999, p. 148], приглашения на которые принцепс «посылал с большим разбором и званий, и лиц» (Suet. Aug. 74)⁵. Исходя из весьма скудных свидетельств, можно допустить, что пиры проходили либо без участия преторианцев как охранников, либо их присутствие оставалось незаметным для гостей. Тем не менее именно Август стал первым императором, пригласившим на пир преторианца из подразделения *speculatores* как гостя. Но Светоний приводит этот случай как исключительный и объясняет его тем, что принцепс остановился на отдых в доме этого ветерана (Suet. Aug. 74).

Итак, Август создал модель идеального поведения принцепса при дворе, основывавшуюся на республиканских традициях и иерархиях [Sumi, 2011]. В этой модели преторианцы как защитники принцепса оставались невидимыми для представителей аристократии, а преторианцы как придворные ещё не существовали. Что касается префектов претория, то они не играли большой роли при дворе и ни в чем не превосходили сенаторов, занимая отведенное им место в традиционной иерархии. Соблюдение данных принципов считается одним из критериев, по которым римские аристократы относили императоров к «хорошим» или «дурным» правителям [Davenport, 2022, p. 290].

⁴ Здесь и далее перевод наш, если не указано иное. – Е. И.

⁵ Перевод М.Л. Гаспарова.

Тиберий в начале правления успешно соблюдал придворный этикет, созданный Августом. Церемония *salutatio* проходила без значительных изменений. Поскольку Август отменил приветствия в своем доме (Dio Cass. 56, 26, 2), Тиберий не стал возрождать эту практику, а «предложил сенаторам приветствовать его всем вместе, чтобы им не приходилось толкаться в толпе» (Dio Cass. 57, 11, 1). Итак, республиканская иерархия при этом обряде не нарушалась. Иным образом ситуация складывалась при организации пиров. Как и Август, Тиберий приглашал ограниченный круг лиц, но его выбор зависел не от социального статуса гостя, а от личных симпатий императора. Более того, Светоний приводит ряд анекдотов о том, как на таких обедах можно было получить назначение не за заслуги, а за угодность императору. Так, должность претора получил «ничтожный» соискатель за то, что по приказу Тиберия выпил целую амфору вина (Suet. Tib. 42.2). Именно на пиру возвысился над сенаторами префект преторианцев Сеян благодаря случайному событию, о чём подробно рассказывает Тацит: «Это произошло на вилле, которая называется “Пещера” и находится... в естественном гроте. Внезапно у входа [в грот] случился обвал и камнями задавило нескольких прислужников. Участники пира в страхе разбежались. Сеян устремился к Цезарю и навис над ним, опираясь на руки и колени, и держался так до тех пор, пока не был найден пришедшими на помощь солдатами. Это его возвеличило. Теперь даже если он [Сеян] давал пагубные советы, [Тиберий] его выслушивал с полным доверием, [помня] о его бесстрашии» (Tac. Ann. IV. 59). Из-за дружбы Тиберия с Сеяном традиционная республиканская иерархия нарушилась настолько, что сенаторы были вынуждены искать покровительства у представителя всаднического сословия и участвовать в обряде *salutatio* в его доме. По свидетельству Диона Кассия, «Сеян дошел до такой степени в своем высокомерии и властном могуществе, что... казалось, будто это он император, а Тиберий – всего лишь правитель острова. <...> У его дверей возникали толчея и давка, так как люди боялись не только остаться не замеченными Сеяном, но и оказаться не в числе самых первых, [кто явился приветствовать его]» (Dio Cass. 58.5.2–5). Так, дом Сеяна стал условно императорским двором, а сам префект – квазиимператором [Davenport, 2022, p. 295]. В ходе этих событий римские аристократы невольно признавали, что отныне иерархия при дворе определяется не республиканскими традициями, а только решением императора. Данная идея получила выражение в речи римского всадника Марка Теренция, который пытался оправдать свою дружбу с попавшим в опалу Сеяном тем, что тот был уважаем самим принцепсом: «Не нам судить, кого ты возвышаешь над прочими и по каким причинам: тебе боги даровали верховную власть, а наша слава осталась в покорности. Мы видим лишь то, что совершается публично, кто от тебя богатства и почести получает, кто властен помочь или навредить; и никто не мог отрицать, что этим кем-то был Сеян». (Tac. Ann. VI. 8). Отметим, что в представлениях римской аристократии вина Тиберия заключалась не в дружбе с Сеяном, а в том, что последний, пользуясь своей близостью к императору, сумел возвыситься над сенаторами и нарушить римскую иерархию. Вторым нарушением традиции при Тиберии стала его демонстративная подозрительность к сенаторскому сословию. Так, вскоре после падения Сеяна принцепс обратился с просьбой к сенату, «...чтобы префект Макрон, несколько трибунов и центурионов входили в курию вместе с ним каждый раз, когда он посещает её» (Tac. Ann. VI. 15. 5). Просьба была исполнена, а впоследствии подобное разрешение было предоставлено Калигуле и Клавдию. Последний оказался ещё более недоверчивым к сенаторам и приказал преторианцам обыскивать всех гостей, в том числе входящих к нему для утреннего приветствия (Dio Cass. 60. 3. 3).

Таким образом, модель Тиберия нарушает все принципы, заложенные Августом. Принцепс не соблюдает республиканские обычаи, не выражает почтения сенату, но, подобно «дурному» правителю, окружает себя телохранителями и подчиняет сенаторское сословие власти префекта претория, переворачивая традиционную иерархию. В целом к до-

машним церемониям Тиберия применим упоминаемый выше тезис К. Роллингера о символическом использовании преторианцев как напоминании аристократам о военной силе и могуществе принцепса.

Если Тиберий настроил против себя сенаторов, возвысив префекта из всаднического сословия, то поведение Калигулы вызвало неприятие уже у самих преторианских офицеров. Среди придворных мероприятий, в которых приходилось участвовать преторианцам, были и специфичные развлечения принцепса. Так, Светоний рассказывает, что отряд гвардейцев следовал за Калигулой, когда тот «разъезжал туда-сюда» по новому мосту через залив между Байями и Путоланским молем, построенному в подражание Ксерксу для устрашения Британии и Германии (Suet. Cal. 19). Также преторианские офицеры, получая распоряжения от принцепса, были вынуждены принимать и его оскорбления. Яркая история произошла с военным трибуном Кассием Хереей, который из-за своего тонкого нежного голоса подвергался насмешкам со стороны Гая и получал от императора в качестве пароля такие слова, как «Венера» или «Приап» (Dio Cass. 59. 29, 2; Suet. Cal. 56.2; Ios. Ant. lud. XIX. 1. 5). По сведениям Иосифа Флавия, доведенный до крайности скверным юмором Калигулы Кассий Херея несколько раз замыслил убить принцепса на пиру, но в итоге исполнил своё намерение во время театрального представления (Ios. Ant. lud. XIX. 1. 4). В целом при Калигуле отношение к придворным всех сословий было в равной степени уничижительным (Suet. Calig. 56), а поведение императора и на пиру, и во время *salutatio*, и в ходе других повседневных мероприятий оценивалось римской аристократией как недопустимое, «тираническое». Тем не менее именно нарушение этикета в отношении преторианских офицеров стало фатальным для Калигулы: защитники *maiestas principis*, считая Калигулу недостойным императорского величия, убили его и провозгласили императором более подходящего, по их мнению, Клавдия (Dio Cass. 60, 1). В историографии это событие обычно связывается с возрастанием политической силы гвардии, решение которой теперь имеет наибольший вес при выборе принцепса [McIntyre, 2022, p. 209]. Однако примечательно другое: вынужденные участвовать в развлечениях императора и претерпевать особенности личного общения с ним гвардейцы из простых охранников фактически превращаются в придворных, военная сила которых со временем позволяет им занять при дворе место, практически равное сенаторскому сословию.

Превращению гвардейцев из рядовых телохранителей в особую статусную группу при дворе во многом способствовало расположение к ним императора Клавдия [McIntyre, 2022, p. 216–219]. В качестве примера благосклонности принцепса можно привести организацию ежегодных гладиаторских игр в честь гвардейцев, проходивших прямо в их лагере у Виминальских ворот (Suet. Claud. 21). Также выше упоминалось, что гвардейцы сопровождали императора на заседаниях сената и обыскивали гостей, приходящих для исполнения обряда *salutatio*. После удачного британского похода преторианский префект Руфрий Поллион получил новую привилегию от императора, а именно право «сидеть на особом месте в сенате всякий раз, когда он сопровождал императора на сенатских заседаниях» (Dio Cass. 60. 23.2). Примечательно, что Дион Кассий, приводя объяснение Клавдия этому новшеству, указывает, что будто «еще Август поступил таким же образом в отношении некоего Валерия Лигура» (Dio Cass. 60. 23.3). Светоний отмечает, что преторианцы охраняли принцепса и на пирах: «Хотя в первые дни власти... он старался править по-граждански, он не решался выйти на пир, если телохранители с легкими копьями не стояли вокруг и солдаты не прислуживали вместо рабов» (Suet. Claud. 35). Несмотря на явное возвышение гвардии, а также известную трусливость и подозрительность к сенату Клавдия, этому императору, в отличие от Тиберия, удалось поддержать образ *princeps inter pares* [Winterling, 1999, p. 151]. В историографии данное явление объясняется тем, что придворные мероприятия Клавдия носили обезличенный и институциональный характер [Winterling, 1999, p. 151]. Это означает, что приветствие императора и участие в его обедах перестало быть привилегией узкого круга

лиц, а стало распространяться на всю римскую аристократию, включая и сенаторов, и всадников. Таким образом, Клавдий расширяет круг придворных лиц и включает в него офицерский состав гвардии, не нарушая при этом ни прав сенаторов, ни республиканской иерархии.

Первое время придворные мероприятия Нерона проходили в рамках того, что было принято при Клавдии (Dio Cass. 61, 4, 3). Однако в дальнейшем принцепс стал нарушать заветы Августа как на пирах, так и при обряде *salutatio*, о чем упоминает Светоний: «он [Нерон] не отвечал [сенаторам] на их поцелуи и приветствия» (Suet. Nero. 37. 3). Что касается преторианцев, то им, как и при Калигуле, приходилось участвовать в причудливых развлечениях императора. Когда принцепс решил состязаться в конкурсе кифаредов, на сцене вместе с ним присутствовали гвардейцы: «...префекты преторианцев несли кифару, затем шли войсковые трибуны, а рядом с ним – ближайшие друзья (Suet. Nero. 21. 1). Светоний также добавляет, что преторианские трибуны стали сопровождать принцепса во время его ночных походов после того, как неузнанный император был избит одним сенатором «почти до смерти за то, что он приставал к его жене» (Suet. Nero. 26. 2). Поскольку в конце жизни Нерона преторианские трибуны и центурионы отказались поддержать императора и сопровождать его в бегстве (Suet. Nero. 47), можно предположить, что подобные обязанности тяготили гвардейских офицеров. В то же время преторианский префект Тигеллин, наоборот, поддерживал Нерона в его начинаниях. Именно Тигеллин устроил роскошный пир на плоту для Нерона, подробно описанный Тацитом: «На пруду Агриппы был построен плот, на котором проходил пир и который двигался при помощи тяги других кораблей. Корабли были украшены золотом и слоновой костью; а гребцами были распутники, рассажены по возрасту и опытности в разврате. Пернатых и диких зверей из разных стран и морских существ из Океана он [Тигеллин] потребовал [доставить]. На набережной пруда устроили публичные дома, наполненные знатными женщинами...» (Tac. Ann. XV. 37). Пир Тигеллина, по мнению Тацита, может служить образцом придворных мероприятий Нерона. Следует уточнить, что термин «придворный» в данном случае используется в широком смысле [Kelly, 2022a, p. 7], поскольку новшеством Нерона стало проведение пиров в общественных местах: «Он [Нерон], чтобы убедить [римлян], что нигде ему так не бывает весело, [как в Риме], устраивал пиры в общественных местах и всем городом пользовался, как своим домом» (Tac. Ann. XV. 37). Таким образом, если Клавдий приглашал в свой дворец всех представителей римской аристократии, чем заслужил образ открытого и доступного правителя, то Нерон с узким кругом лиц выходил в публичные места, где демонстрировал свою расточительность и развратность, чем оттолкнул от себя не только сенаторов и всадников, но и рядовых римских граждан. Тем не менее новшества Нерона не изменили положения преторианцев при дворе, которые продолжали совмещать охранные функции с участием в придворных мероприятиях.

Победитель гражданской войны и основатель новой династии Веспасиан считается одним из самых открытых императоров. По сведениям Диона Кассия, у дверей Веспасиана не стояло охраны, а друзей он принимал прямо в спальне, лежа в постели (Dio Cass. 65. 10. 5). При этом обыски гостей не проводились (Suet. Vesp. 12). Обеды для друзей и сенаторов он устраивал ежедневно, а иногда и сам трапезничал у ближайших друзей (Dio Cass. 65. 10. 6). Схожие порядки были заведены при дворе императоров династии Антонинов. Плиний Младший рассказывает об этом, описывая традиции Нервы и Траяна: «Величие духа проявил твой родитель, когда перед вами, принцепсами, сделал надпись на вашей резиденции, назвав её общественным зданием. <...> Какой в самом деле форум, какие храмы настолько доступны, [как твой дворец]?» (Plin. Pan. 47). На основе данных свидетельств можно предположить, что преторианцы покинули императорский дворец, перестали исполнять роль придворных и сопровождали принцепса только при посещении общественных мероприятий. Однако, как отмечает А. Винтерлинг, стоит обратить внимание на то, что друзья и сенаторы при Веспасиане не означают одну и ту же группу лиц [Winterling, 1999, p. 154].

Приветствовать Веспасиана в его спальне могли только избранные им аристократы. Причём придворные попадали в узкий круг друзей императора не благодаря социальному статусу, а за счёт личного расположения принцепса. По мнению А. Винтерлинг, практика разделения придворных на неформальный круг друзей и всех остальных сохранялась и при последующих правителях [Winterling, 1999, p. 154]. Примечательно, что префекты претория во многих случаях входили в число избранных лиц. Так, например, известна дружба Адриана с префектами Атианом и Турбоном (SHA. *Nadr.* IV. 1). Кроме того, начиная с правления Марка Аврелия в источниках появляются упоминания о том, что префекты имели право приветствовать императора прежде сенаторов. Например, Юлий Капитолин утверждает, что Марк Аврелий в силу личного расположения целовал (в знак приветствия) философа Юния Рустика «даже раньше, чем префектов претория» (SHA. *M. Aug.* III. 4). Более точные сведения о порядке приветствий относятся только к III в. Весной и летом 216 г. н. э., когда император Каракалла находился в Сирии и готовился к парфянскому походу, он провёл два судебных слушанья в Антиохии. При разборе первого дела, проходившего 27 мая, Каракаллу приветствовали сначала преторианские префекты, затем друзья императора, после них – главы имперской канцелярии (AE 1947, 182, II. 2–3). Такой же порядок приветствий был и перед вторым слушаньем в июне/июле, но в источнике (Cod. Iust. 9.51.1) есть приписка, что следом за чиновниками шли представители обоих сословий (сенаторы и всадники). Итак, позиции преторианских префектов при дворе некоторых императоров могли быть выше, чем положение сенаторов, что отражается в порядке приветствий. Однако, по-видимому, данное явление даже в III в. н. э. не становится нормой, поскольку возвысившимся префектам императоры были вынуждены даровать сенатский титул *vir clarissimus*, чтобы не нарушать республиканской иерархии [Davenport, 2022, p. 301].

Таким образом, к началу III в. н. э. наблюдается смешение моделей Августа и Тиберия в организации придворной жизни. С одной стороны, при «хороших» императорах преторианцы как телохранители остаются незаметными для остальных придворных. В связи с этим тезис К. Роллингера о символическом использовании гвардии в домашних церемониях для устрашения аристократии остаётся применимым только к периоду правления Тиберия. С другой стороны, офицерский состав гвардии проникает в круг друзей принцепса, а префект преторианцев зачастую играет большую роль при дворе, чем представители сенаторского сословия. Однако нарушения традиционной иерархии при этом не происходит благодаря установлению Клавдием институциональных придворных мероприятий.

В завершение обзора взаимоотношений императора и преторианцев как придворных рассмотрим судьбы префектов при Коммоде. По-видимому, основным критерием при назначении на эту должность было потворство кандидатов увлечениям принцепса. Так, возвышение Перенния античными авторами связывается с тем, что префект «позволил ему [Коммоду] проводить своё время в наслаждениях и попойках, отстранил его от забот и подбавляющих государю трудов» (Herodian I. 8. 1). Таким же способом должность получил вольноотпущенник Клеандр, возвысившийся настолько, что стал раздавать и продавать «сенаторские звания, командные посты в армии, должности наместников и прокураторов» (Dio Cass. 73. 12. 3). Хотя назначение Клеандра полностью перевернуло традиционную римскую иерархию, и сенаторы были вынуждены искать расположения бывшего раба, в целом положение преторианских префектов при Коммоде было таким же унижительным, как и у самих сенаторов. Примечательно, что девять из одиннадцати префектов, действовавших при Коммоде, были убиты самим императором (SHA. *Comm.* 6. 7)⁶. Префект Юлиан подвергался регулярным издевательствам со стороны принцепса: «Префекта претория Юлиана, одетого в тогу, [Коммод] в присутствии своих слуг столкнул в пруд для рыбы. Он [Коммод] приказал ему танцевать обнаженным перед своими любовницами и бить в кимвалы, искажая лицо

⁶ Судьба Тита Лонгея Руфа неизвестна.

гримасами» (SHA. Comm. 11. 3). Квинту Эмилию Лету, единственному префекту, пережившему Коммода, приходилось участвовать в гладиаторских боях вместе с принцепсом (Dio Cass. 73 (72). 19. 4). Если об участии преторианцев в развлечениях императора сохранилось несколько ярких сюжетов, то об обряде *salutatio* и императорских пирах этого периода сведений практически нет. По мнению А. Винтерлинг, Коммод отменил установленные Клавдием и ставшие традиционными институциональные обеды для всех представителей благородных сословий и заменил их личными обедами для узкого круга лиц, приглашения на которые получали не самые знатные и достойные, а лишь те, кого выбрал император по своим личным критериям [Winterling, 1999, p. 159]. В качестве примера такого критерия автор жизнеописания Коммода приводит внешнюю привлекательность (SHA. Comm. V. 4). Таким образом, при Коммоде произошел разрыв во взаимодействии императора с представителями аристократии, выразившийся в прекращении традиционных обедов, издевательствах над придворными, а также предпочтении императором «дружбы» с гладиаторами и наложницами вместо добрых отношений с сенаторами и всадниками. Тем не менее после устранения Коммода императорский двор вернулся к своим традиционным практикам.

Заключение

В целом можно заключить, что участие преторианцев (в особенности это касается префектов) в императорских пирах, а также в развлечениях и увлечениях принцепса позволяло им добиться личного расположения императора и заручиться его дружбой. Благоклонность императора нередко возвышала префектов из всаднического сословия над сенаторами, что проявлялось в том числе при исполнении обряда утреннего приветствия, в ходе которого префекты стали приветствовать принцепса раньше сенаторов. Тем не менее вхождение префектов в близкий круг друзей императора автоматически не нарушало традиционную римскую иерархию и не делало правителя «дурным» в представлениях римских сенаторов. В приведенных выше примерах поведение «дурных» императоров нарушает не только придворный этикет, но и римскую мораль, вызывая негодование не только у сенаторов, но и у самих преторианцев, которые зачастую и карают недостойных принцепсов. Таким образом, тезис К. Роллингера о символическом использовании гвардии на государственно-династических церемониях как напоминании о военной силе принцепса не может быть распространен на домашние традиции императорского двора, где начиная с правления Клавдия и сенаторы, и всадники в лице префектов и офицеров гвардии смешались в едином кругу придворных.

Благодарности

Работа подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда, проект №20-18-00374 «Имперское Средиземноморье: модели, дискурсы и практики империализма от Античности до раннего Нового времени».

References

- Bingham S. 2013. *The Praetorian Guard. A History of Rome's Elite Special Forces*. London, I.B. Tauris, 240.
- Davenport C. 2022. *The Court and Ceremonial*. In B. Kelly & A. Hug (Eds.), *The Roman Emperor and his Court c. 30 B.C.–c. AD 300*. Cambridge, Cambridge University Press, 288–317.
- de la Bédoyère G. 2017. *Praetorian. The Rise and Fall of Rome's Imperial Bodyguard*. New Haven, London, Yale University Press, 336.
- Duindam J. 1995. *Myths of Power. Norbert Elias and the Early Modern European Court*. Amsterdam, Amsterdam University Press, 234.
- Durry M. 1938. *Les cohorts prétoriennes*. Paris, E. de Boccard, 454.
- Elias N. 1983. *The Court Society*. New York, Pantheon Books, 301.

- Hirschfeld O. 1905. *Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten bis auf Diocletian*, 2nd ed. Berlin, Weidmann, 514.
- Kelly B. 2022a. Introduction. In B. Kelly & A. Hug (Eds.), *The Roman Emperor and his Court c. 30 BC–c. AD 300*. Cambridge, Cambridge University Press, 1–15.
- Kelly B. 2022b. Violence and Security at Court. In B. Kelly & A. Hug (Eds.), *The Roman Emperor and his Court c. 30 BC–c. AD 300*. Cambridge, Cambridge University Press, 371–394.
- Kerr J. L. 1992. *The Role and Character of the Praetorian Guard and the Praetorian Prefecture Until the Accession of Vespasian*. PhD diss., University of Glasgow, 279.
- McIntyre G. 2022. Making and Breaking Emperors: The Cohors Praetoria and the Transition of Imperial Power. *Brill's Companion to Bodyguards in the Ancient Mediterranean*. Leiden, Boston, Brill, 202–222.
- Mommsen, T. 1887–8. *Römische Staatsrecht* (3 vols.), 3rd ed. Leipzig: S. Hirzel.
- Ottley S. 2009. *The Role Played by the Praetorian Guard in the Events of AD 69, as Described by Tacitus in his Historiae*. PhD diss., University of Western Australia, 273.
- Passerini A. 1939. *Le coorti pretorie*. Rome, A. Signorelli, 362.
- Ricci C. 2018. *Security in Roman Times: Rome, Italy and the Emperors*. London, Routledge, 300.
- Rollinger C. 2022. *Specie Dominationis: The 'Ceremonial' Uses of Imperial Bodyguards Under the Principate*. *Brill's Companion to Bodyguards in the Ancient Mediterranean*. Leiden, Boston, Brill, 223–248.
- Rollinger C. 2023. *Changing the Guard. The Roman Imperial Court in the Principate and Late Antiquity*. Oxford, Oxford University Press, 56–74.
- Sumi G. 2011. Ceremony and the Emergence of Court Society in the Augustan Principate. *AJPh* 132, 81–102.
- Wallace-Hadrill A. 2011. The Roman Imperial Court: Seen and Unseen in the Performance of Power, in Duindam, Artan, and Kunt, 91–102.
- Winterling A. 1999. *Aula Caesaris: Studien zur Institutionalisierung des römischen Kaiserhofes in der Zeit von Augustus bis Commodus (31 v. Chr.–192 n. Chr.)*. Munich, Oldenbourg, 283.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 19.11.2023

Received 19.11.2023

Поступила после рецензирования 16.01.2024

Revised 16.01.2024

Принята к публикации 18.01.2024

Accepted 18.01.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Иванова Елена Сергеевна, младший научный сотрудник, аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0009-0005-0023-803X](https://orcid.org/0009-0005-0023-803X)

Elena S. Ivanova, Junior Researcher, Graduate Student of the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia